ПОЭТОГРАД

Народная литературная газета

№ 27 (128)
Июль
2014

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Евгения Доброва

и Александр Портнягин

о «Круизе Серебряного века»

Поэзия

Вадима Ковды,

Анатолия Головкова,

Марины Немарской

и Зульфии Алькаевой

Проза

Рудольфа Котликова

и Теймураза Твалтвадзе

Выдающийся поэт России

Александр Ерёменко

Пьедестал

Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

АЛЕКСАНДР ЕРЁМЕНКО

В ГУСТЫХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЛЕСАХ

В густых металлургических лесах,
где шел процесс созданья хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.
Там до весны завязли в небесах
и бензовоз, и мушка дрозофила.

Их жмет по равнодействующей сила,
они застряли в сплющенных часах.
Последний филин сломан и распилен
и, кнопкой канцелярскою пришпилен
к осенней ветке книзу головой,
висит и размышляет головой,
зачем в него с такой ужасной силой
вмонтирован бинокль полевой?

СОБЫТИЯ

ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК В БРЮССЕЛЕ

Пушкинский праздник состоялся в Брюсселе 6 июня на площади возле памятника А. С. Пушкину, подаренном Россией. В нем приняли участие проживающие в Бельгии потомки поэта Мария Александровна и Александр Александрович Пушкины, бельгийские поэты, писатели, музыканты сотрудники посольства России. В качестве специального гостя Праздника был приглашен Сергей Бирюков. Он выступил с речью и стихами, которые прозвучали по-русски и в переводе на французский и нидерландский.

Сергей МАЕВСКИЙ

КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ

6-7 июня 2014 года в Овстуге (Брянская область) прошел поэтический фестиваль «Родник поэзии твоей неиссякаем…», посвященный памяти и творчеству великого русского поэта Ф□дора Тютчева.

Перед участниками фестиваля выступили губернатор области Н. Денин, глава Брянской областной думы В. Гайдуков и другие официальные лица.

На празднике поэзии присутствовала большая делегация МИД России: лауреат многих литературных российских и международных премий, председатель литературно-творческого объединения МИД РФ «Отдушина», Чрезвычайный и полномочный посланник России В. Масалов, который зачитал приветствие фестивалю министра иностранных дел С. Лаврова, советник первого класса А. Волков, атташе С. Гавриленко.

Союз писателей XXI века, МГО СП России и газету МИД России «Наша Смоленка» представлял поэт и журналист, кандидат филологических наук Е. Степанов.

Никого из присутствующих не оставило равнодушным выступление лауреата международных конкурсов, приглашенного солиста Мариинского театра, руководителя международного конкурса вокалистов «WELL ART GROUP» О. Безинских в сопровождении Брянского городского камерного оркестра (художественный руководитель и главный дирижер — заслуженный артист России Э. Амбарцумян).

Оставил большое впечатление и «Бал в Овстуге…» — концерт с участием образцового хореографического ансамбля «Рапсодия» ДШИ № 1 (г. Брянск); народного ансамбля бального танца «Таис» (г. Брянск).

Безусловно, яркими мероприятиями стали поэтические чтения с участием поэтов и писателей-лауреатов Всероссийской премии «Русский путь», литературных объединений Брянщины, воспитанников театра «Взрослые и дети», концертная программа вокально-оперной студии Дворца культуры им. Д. Н. Медведева «Мы пришли к твоим стихам…».

Во время фестиваля работала выставка-продажа работ брянских художников «Овстугский вернисаж».

Фестиваль был организован на высоком уровне. В Брянской области уделяют большое внимание культуре. Это вызывает большой энтузиазм.

Сергей КИУЛИН,
фото автора

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Евгений Степанов «Жанровые, стилистические и профетические особенности русской поэзии…» М.: «Комментарии», 2014

Ольга Любимова «Когда Господь…» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

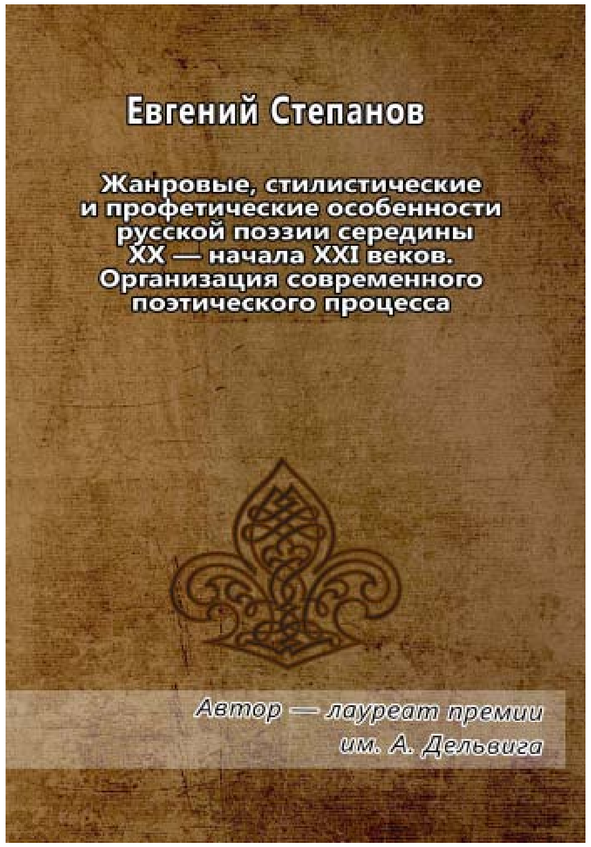
БЕСТСЕЛЛЕРЫ ПОЭТОГРАДА

УНИКАЛЬНАЯ КНИГА О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Просто о сложном!
Проблемные статьи о поэзии,
изложенные доступно

* строфика
* жанры
* рифма
*тропы и фигуры
* незамеченные классики
* «шестидесятники»
* «полюса» великой Ленинградской плеяды
* литературные группы и направления
* вне групп и направлений
* новые имена в поэзии
* профетические особенности и функции русской поэзии
* организация современного поэтического процесса

Такая книга
должна быть у каждого!



Многолетний опыт автора-исследователя, автора-практика, выпускника кафедры сравнительной и теоретической поэтики РГГУ, на которой трудился М. Л. Гаспаров

Евгений Степанов
* кандидат филологических наук
* лауреат премии им. А. Дельвига за антологию «Жанры и строфы современной русской поэзии»
*автор ряда бестселлеров, посвященных литературе во всех проявлениях

Покупайте книгу в крупнейших книжных магазинах Москвы
Справки по телефону: 8 (195) 9717925
e-mail: stepanovev@mail.ru
(приобретайте по ценам издательства!)

ЭКСПЕДИЦИЯ ПОЭТОГРАДА

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК ПОД БЕЛЫМИ ПАРУСАМИ

620 миль по Эгейскому и Ионическому морям прошли с 17 мая по 1 июня участники литературного «Круиза Серебряного века», посвященного античности и ее осмыслению русскими поэтами-символистами.

Участники круиза на родине Одиссея — Итаке

Путешествие было организовано компанией «Mediteran» при участии «Mediaшколы» при газете «Аргументы и факты» и заведующего Музеем Серебряного века (ГЛМ Дом В. Я. Брюсова) Михаила Шапошникова. Экспедиция отправилась на турецкой гулете — деревянной парусной яхте — за штурвалом которой стоял вдохновитель проекта, художник Александр Астрихинский. Путь пролегал по греческим островам и городам-алтарям мировой культуры и искусства: Кос — Нисирос — Астипалея — Анафи — Санторини — Милос — Идра — Афины — Коринф — Навпактос — Итака — Лигия — Паксос — Корфу.

«Миф как настоящее» — так Астрихинский определяет идею творческих и образовательных путешествий, и в этом смысле «Круиз Серебряного века» — не что иное, как маршрут-метафора. В XII веке до нашей эры аргонавты вышли из Эгейского моря, прошли Дарданеллы, Мраморное море, Босфор, Черное Море, ходили к берегам современной Абхазии. Возвращаясь, они побывали на острове Анафи в Эгейском море. По легенде, внезапно поднялась буря, и Аполлон поднял из моря этот маленький остров, чтобы спасти мореплавателей. Заночевали в его гавани и участники «Круиза Серебряного века».

Во время переходов между островами на «Валери» кипела литературная жизнь. Михаил Шапошников прочел курс лекций о символистах, в своих духовных исканиях наследовавших героям Древней Эллады, рассказал о происхождении древнегреческой трагедии и призвал к осмыслению «аполлонического» и «дионисийского» методов творчества. В кают-компании звучали стихи

Михаил Шапошников ведет занятие на борту «Валери»

Иванова, Андрея Белого, Сергея Соловьева, Валерия Брюсова, Дмитрия Мережковского, Александра Кондратьева, — и создавались авторские произведения под руководством преподавателей литературного мастерства.

По пути экипаж совершал экскурсии по археологическим и историческим музеям, а также многочисленным тавернам с удивительной греческой кухней, набираясь положительных эмоций и запасаясь впечатлениями для творчества.

Погрузившись в атмосферу мифов Древней Греции, осмысливая их вслед за поэтами-символистами, участники побывали настоящими мореходами и собрали бортовой журнал со стихами и рассказами, опубликованный «Mediaшколой» при «АиФ».

Этим летом и осенью Александр Астрихинский планирует провести еще несколько подобных круизов под парусом «Валери» — морского прибежища муз и творцов.

Евгения ДОБРОВА,
Александр ПОРТНЯГИН

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

ВАДИМ КОВДА
СРЕДЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ БАНАЛЬНОЙ

ТАНЕЦ

Родная! Больше глянца!
И шляпку — набекрень…
День, прожитой без танца,—
для нас пропащий день.

Давай-ка потанцуем!
Пусть полыхнет в крови.
Счастливым поцелуем
спасемся для любви.

Запляшем, сатанея…
Все деньги — на пропой!..
Гуляй, как мать-Расея,
Пей, дорогая, пой!

Танцуй, танцуй, Людмила!
А то в огне сгорим.
Смотри, что стало с хилым,
неистовым моим…

Так не упустим шанса
для дураков и дур…
Пусть снобы и засранцы
жуют гнилой гламур.

Не в том ли наше счастье!
Башку мне заморочь.
Коль ночь прошла без страсти —
зачем такая ночь?

КУДА Я РВУСЬ?

Куда я рвусь, не в силах оглянуться?
Куда? Зачем? — Так думать не впервой…
Я слышу за собою свист и вой…
Когда-нибудь несчастия сомкнутся
и над моей бедовой головой.

Еще признаюсь вам чистосердечно:
как ни живу халявно и беспечно,
какой я ни мудрец и ни хитрец —
но царствовать и рабствовать не вечно —
и что конец наступит, наконец…

И я, пожалуй, объясню едва ли,
как на Руси в предчувствии конца
прекрасная энергия печали
нам разъедает души и сердца.

И невзначай почувствую украдкой,
что гибели и боли вещество
Москву заполонило дымкой сладкой,
как древний Рим периода упадка —
искусство изощренное его.

ФРУКТЫ-ОВОЩИ

1. ОНА
Детсадовская девочка — СМОРОДИНКА.
Девочка из начальной классов — ВИШЕНКА.
Девушка — АБРИКОС.
Красотка в расцвете лет — КЛУБНИЧКА.
Роскошная дама — ДЫНЯ.
Пожилая дама — ТЫКВА.
Старушка — КИСЛАЯ КАПУСТА.

2. ОН
Детсадовский мальчик — КОРНЮШОН.
Мальчик из начальной школы — ПЕРЧИК
Юноша — ОГУРЕЦ.
Молодой мужчина — КАБАЧОК.
Солидный мужчина — АРБУЗ.
Пожилой ловелас — АВАКАДО.
Старичок — СУХОФРУКТ.

ГИБЕЛЬ ЛЮБВИ

Средь повседневности банальной,
в скандальной бытовой глуби
приметы скуки сексуальной,
приметы гибнущей любви…
.
Душа разъята и разъета,
но ныне не об этом речь…
Я слышу ценные советы,
как можно тело уберечь…

О, боль моя — моя услада…
Все, все поломано в судьбе.
И мне уж ничего не надо.
И я не нужен сам себе.

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

ТЕЙМУРАЗ ТВАЛТВАДЗЕ
КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЛЕРМОНТОВ

Лесистые холмы и извилистые голубые овраги, схваченные по осыпающимся склонам корнями еще не павших деревьев, и низину, частью поросшую хвоей, осинами, редкими дубами, да еще чем-то, а частью — к реке и за ней, вправо от деревни — настоящую равнину, долгую ночь тревожило ветрами, густо заносило мелкими снежинками, заваливало проходы, лазы, валежник, мшистые пни, запахи, палые листья, бесчисленные следы — все, что напоминало о неудачной охоте. Когда снегопад перестал и потоки воздуха усилились, небо унесла темная вечность. В этот час хотелось спать в логове, в родном тепле и мечтать о еде, согревающей желудок. Но не было ни еды, ни тепла… — только ветра и скрип тяжелых сосен, будто с них сорвало заснеженные паруса, и лесной мир безвольно перекатывался с холма на холм, как с волны на волну.

Засветло развеянное небо вернулось: оно наползало на лес, скользило полным ветряным животом по верхушкам деревьев, — те гнулись, раскачивались, но утреннего света к земле еще не пускали. Лишь спустя много времени после моего пробуждения округа забелела на солнце голодной свежестью.

К полудню лес уже искрился, и ветвь огромной разлапистой темно-синей ели, заваленная снегом, покрывала меня целиком и покалывала уши. Я лежал под ней, на холмистом возвышении, словно погруженный в снежное облако, утыканное деревьями, и смотрел с него вниз на опушку, метрах в пятидесяти, где, наконец, должны были появиться олени — один из них. Я ждал оленьего запаха, но когда ветер дул мне в ноздри, я боялся, что мой спасительный парируший невысоко островок отнесет прочь без надежды на добычу, — такую неуверенность внушили мне последние дни отчаянного недоедания.

Ветер теперь слабо проникал в чащу, находя воздушные пути по запаху безмолвия. Он пробирался в свободное пространство между стволами совсем немного: задыхался, наткнувшись на препятствие и, как приученный, опускался на снег. Затем снова взлетал, будто его сучковато-хвойный хозяин заснул, и опасность миновала, проскакивал небольшое расстояние, и поднимался с низины на холм, еле касаясь на синих и голубых деревьях светлых снежинок, отчего те едва вспархивали и причудливо пахли…

У всего на свете есть запах: у тишины, у снега… последним хотелось наесться — набить рот твердым, хотя и тающим холодом.

Такой был тогда голод! Такой, что от изнеможения я позорно обгладывал кору деревьев. Но я подбирался к нему — вкусному рогатому телу, чье небольшое стадо в поисках пищи появилось в нашем лесу несколько дней назад. Олени осторожничали — близко не подойти, а этот взял за привычку являться сюда. Я увидел его издалека и поверил глазам: он стоял у опушки достаточно долго, чтобы запечатлеться в моей памяти. Да, он покрасовался за деревьями, разглядывая зимнюю природу, словно что-то в ней высматривая, и скоро удалился. На следующий день олень появился вновь: тогда я и залег на холме с противоположной стороны, поближе, на расстоянии прямой атаки, и пролежал сутки почти без движения, ожидая его очередного прихода. Сил во мне оставалось разве на «вдох-выдох». Очень хотелось уже есть.

Я лежал, с веселой грустью поглядывая из-под ели. Чудная картина… Особенно вон те высокие сосны, прищурившиеся на солнце, с застывшими по стволам слезами…

А на закате сосны замерзали, застывая багровыми лучами, как сталактиды. Словно не успевшие покинуть землю солнечные лучи.

Я думал еще, что и сам я едва успел покинуть землю, взобравшись на «облачный остров», как навалилось с вечера ненастье, задышало одиночеством…

Помню, добравшись до широкой ели, я свалился под ней, и налетел снегопад, да мне было уже все равно: не логово — а надежно, и кругом меня по белому склону холма сторожила еловая стая. Мохнатые братья касались лапами снега и не шевелились. Такие волки-ели, и они тоже ждали прихода оленей! Я вспомнил сытые времена, когда ели казались мне большими синими ежиками.

КОГДА ЖЕ!..

Со стороны опушки послышалось едва уловимое, — вроде шороха, — и я заметил его раньше, чем учуял его невозможный запах — ветерок дохнул в мою сторону. Олень появился и встал за деревьями, втягивая ноздрями холодный воздух, — выдыхая его, согретого горячей кровью, чистым живым паром.

Он пришел один, и голод кипел во мне. Я через силу сдержался, измерил расстояние между нами и обдумал возможное поведение жертвы. Бежать он мог обратно в чащу — больше некуда, — там наверняка зацепился бы рогами за ветви… Потому я и решил сохранить силы и атаковать, не прибегая к устрашению: к рыку, шерсти дыбом и прочая.

Обнажив пасть, — свое клыкастое оружие, — я вырвался, как черт, из укромного места, и тут же провалился передними лапами в какую-то зловредную ямку. Глупо ткнулся носом в снег, и прокатился по холму, — лапы под тяжестью скользящего вниз тела согнуло под животом. Все. Уйдет.

Олень обернулся.

Я не увидел в нем лихорадочной мысли о бегстве, зато в его глазах словно играла ирония, может быть, из-за снега, облепившего меня со всех сторон, и глубокого следа, оставленного мной при скольжении.

Но я помнил, что передо мной олень, животное, не способное к чувствам. Я резко поднялся, крепко оттолкнулся от земли всеми четырьмя лапами (не подведи!) и стремительно бросился вперед, к опушке, взмывая над белым неровным ковром. Пересекая опушку, я мчался и слышал, как за моей спиной еловая ветвь, которую я задел, выныривая из-под нее, медленно покачивается, освободившись от зимнего груза. Я даже услышал носом, как под ветвью образовалась белая горка. Расстояние бешено сокращалось. Он не уходит! Прыжок. Я будто завис в воздухе, и время остановилось. От резкого звука деревья просыпали снег. Снег взметнулся еще и от моего прыжка, и на миг передо мною и оленем взбилась завеса, — я получил жестокий удар рогами по оскаленной пасти.

«Не беда. Теперь он помчится прочь, и я его настигну», — спасительно подумал я, суматошно выбираясь наружу из сугроба, куда меня отбросило. Олень безучастно побрел в чащу. Не метнулся, куда глаза глядят, а нагло побрел, будто я не волк, а овца. В иное время я бы оценил случившееся, продумал следующее действие, но я погнался за ним, пробежал несколько метров, отделявшей меня от законной еды, при каждом прыжке, глотая попадавшие в пасть белые комья рыхлого снега. Прыжок! И снова тяжелый удар, — на сей раз в грудь. Я провалился куда-то глубоко, как убитый. Парализованный острой болью, я лежал, не шелохнувшись.

ПРОКЛЯТЫЙ МЕЧТАТЕЛЬ

Ведь он обманул меня, спровоцировал, — последний раз вообще показал спину, встал между стволами деревьев, развернулся и ударил наповал — в голове гудело.

Тяжело дыша, я, наконец, поднялся, слабо отряхнулся и замер в нерешительности. С ближней к нему ели упала подломленная ветка. И тогда он произнес это. Он посмотрел вниз, на снег, украшенный пушистой колючей синью, и произнес:

— Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

Представляете, что и как он сказал! Непонятно по содержанию, но так мог говорить один я, не по-оленьи, не по-волчьи, — и я услышал сказанное отчетливо. Поразительно. Ведь мои сородичи, как и другие жители леса, своим невежеством вынудили меня поверить, что моя особая речь — это нечто болезненное внутри тела, вроде эха. Я жил с эхом внутри себя! Я убедил себя во лжи, ведь кто меня услышит и кого услышу я! И вот оно прозвучало.

Потрясенный, я стоял с полураскрытой пастью, и от гулкого биенья сердца приминало снег под брюшным подшерстком.

— И пальма та жива ль поныне? — Проговорил олень с расстановкой.

— Как тебе это, тупое животное? Хочешь еще по зубам? — Олень усмехнулся, переводя взгляд с ветки на меня. — Нападай, сейчас я тебя прикончу.

— Ты кто?! — Только и спросил я, почувствовав, что во рту у меня пересыхает.

— Ты кто?! Я не атакую, успокойся. — Сказал я, хотя успокоительные средства требовались именно мне. Я вновь отряхнулся: снежная пыль полетела во все стороны, как в полусне, и осела. Я опустился на снег, лег.

— Я не нападаю.

Олень коснулся втом снега, лизнул и сильно выдохнул. Легкий снежок взбился, припорошив его лицо.

— Повтори. — Сказал он после маленькой паузы.

— Ты кто? — вновь спросил я. — Что ты сейчас сказал? Ты понимаешь смысл слов, которые произнес?

Он выпрямился, покачал головой и сделал шаг мне навстречу. Словно большое облако прикрыло солнце, и приятная тень легла на меня.

— Представь себе, понимаю. — У него было отменное самообладание, а тон — высокомерно-насмешливым. Олень внимательно заглянул мне в глаза, как в глаза душевнобольного.

— А ты — понимаешь? — Спросил он в ответ.

— Что?

— Все.

— Разумеется.

— Нет, совсем не разумеется! — Тенистое облако откатило в сторону, и олень зажмурился, держа высоко рогатую голову.

— Так кто же ты?!

— Лермонтов. — Бросил он с вызовом и стукнул копытом. — Ну?!

— Как это Лермонтов?

— Лермонтов.

— В каком смысле?

— В прямом. А ты кто нынче?!

— Как это?

— Ну, кто ты? — Показная надменность не покидала его. — Я вижу, что ты волк. Как тебя сейчас зовут?

— Меня? Иги. А почему, сейчас?.. — Я вконец растерялся и понял, что останусь голодный.

Такая это была встреча, та встреча, когда мы с ним познакомились. Такой это был день, таким был он, назвавшийся странным именем Лермонтов, — именем необыкновенным, столь огромным для небольшого холмистого пространства, как если бы Господь волков решил разместить здесь одну из своих вселенных, масштабом много больше Млечного Пути! Но он так назвался, и так его звали на самом деле — чудно и практически не произносимо для волка, но я научился выговаривать его имя.

СВЕРХУ ИЗ ОБЛАКОВ…

— Пойдем куда-нибудь. — Свойски предложил мне Лермонтов, и я безропотно подчинился, хотя был уверен, что я живу «нигде», чтобы идти «куда-нибудь». Мы вошли в лес и побрели среди высоких вечносиних заснеженных деревьев, над кронами которых вспыхивали небесные зеленые искры.

Довольно долго мы шли, и я трепетал — не знал, с чего начать разговор. Я молчал и неровно дышал, забыв о том, кто я, и для чего сутки пролежал в укрытии, а он шел спокойно, разглядывая то меня, то деревья так, будто между нами нет существенной разницы! Что сказать ему?.. Иги, это все правда?..

— Лермонтов, а что ты сказал тогда?.. — Я неуверенно оборвал молчание. Лермонтов остановился и посмотрел на меня сверху вниз. Над его головой, покрытой широкими рогами, зеленело небо, в котором теперь плыли чистые нетленные облака, и мне показалось, что Лермонтов смотрит на меня сверху из облаков.

— Когда ветка упала, и ты стал говорить. — Уточнил я, словно тому, «когда ветка упала», предшествовала дружеская игра. Я взглянул на его высокое чело, в котором отразилась вся красота мира.

— Ты о стихах? Стихи, слышал?

— Это называется стихи?

Лермонтов кашлянул. — Вот ведь… Я не рассчитывал на почет, но… — он замялся, — меня ты не знаешь. Верно?

— Знаю, — ответил я, — и Лермонтов, как показалось мне, побледнел. Или мне показалось, что он затаил дыхание?

— Знаю, — ответил я, оставляя не нужные сомнения, — ты — как я, хотя мы внешне разные.

Лермонтов скривил рот.

— Ясно. Не знаешь… — с непонятным облегчением буркнул он. — Не удивительно. А ты слышал… в смысле… где ты мог услышать!.. — он поправился, — ты знаешь что-нибудь о…? Ну, да… откуда! — Он вновь сделал замечание самому себе.

— Что я должен знать?

— Слишком много новых слов. — Лермонтов неудовлетворенно поджал губы и задумался. — Есть такое понятие — поэзия — это когда пишут стихи. — Заговорил он. — Тот, кто пишет стихи, называется поэтом, а сами стихи — это то, что я тебе прочитал. — Коротко выдал он мне, как учитель, хотя, полагаю, я был старше его.

— Здорово! А зачем так читать?

— О! — Выдохнул он. — Тебе не понравилось?

— Понравилось, но я не знаю, почему. Скажи мне! — Я восторженно смотрел на него, говорившего так странно.

— Почему!

Лермонтов закинул в небеса рогатую голову и опустил ее, будто оставляя на изумрудном своде светлый росчерк.

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

АНАТОЛИЙ ГОЛОВКОВ
ПОВЕРХ ГОЛОВ И ЗОНТОВ

* * *

То заставят играть на гармошке,
то угадывать карты из колпака,
то плясать на ходулях,
то сальто-мортале крутить,
чтобы дух захватило,
должно захватить:
где верх, где низ?
А на бис —
поверх голов и зонтов
выпустить из рукавов
дрессированных кур.

Эти куры теперь вместо ангелов
над тобою летают в ночной круговерти.
В полушаге от славы,
в полувзгляде от Бога,
там где ты, улыбаясь, лежишь,
нет ни жизни, ни смерти,
и свободное место
отыщется между афиш.

* * *

«Возьмите красный мой картуз,
В залог того, что я вернусь».
(Ганс Сакс, 1553 г.)

В первой жизни не был замечен котом
или щелкопером, —
виноградарем слыл,
друзей и врагов без разбору поил,
и не было лучше работы.
Потом
пошел
в конокрады,
гнал по степи кобылиц, посыпая махоркой следы
от гончих, —
в кровавой пене носы, —
что косяк обтекали.
Но отставали псы
при виде святой воды.
В том затоне, при той полынье,
отражались тоска и осока,
вечность, страх и морока,
первобытные облака.
Омут, сон, ятаган
и не видно огней.
Амулет гордеца иль пророка
наклони над рекой, где вода черноока,
и не расстанешься с ней.
Нет там надежды на тысячу лет.
До срока, мой брат, до срока.

Потому что теперь, лишь глаза продеру,
привет, говорю,
заводам, заборам и трубам,
быть добру!
Дайте знак, что и вправду не умер
пересмешник и плут,
что вдали, за дорогою кольцевой,
есть грачиный мой дом, и обедать зовут,
и пора бы вернуться домой.
Я за это брошу травку курить,
похудею, сменю очки,
научусь класть на место ключи,
и не стану — с женой виноградаря
иль конокрада,
мне чужого больше не надо.

1946

Вот и пришли, оглянулись, увидели:
осень и дым.
Календари, трудодни, облигации
полем картофельным измеряются,
небом гнедым.

Этой картохой им вымостить надо
зимний редут.
Что же они у полуторки маются,
курят и ждут?
Треплет сквозняк ковыли, а за спинами
морщится стог.
Борозды нафаршированы минами,
адский пирог.

Солнце соленое передвигается,
и горизонт немой.
Господи, ты хоть шепни, пожалуйста,
кто не вернется домой.

* * *

Э. Класу

Один из тех, кем тебя не назвали, одергивает портьеру,
ищет очки, ключи, портсигар, курит красную «Яву»
без фильтра, чистит сельдь, наощупь живет, заедает
настоящее прошлым, как приправой,
напевает баркаролу венецианского гондольера.

От него прятали иглы патефона, думали, станет покорным,
отнимали юлу, запирали строго, за недержание били.
А он все равно при звуках оркестра морской пехоты
делал под себя от восторга: слишком щедро дарили
золото глупому небу альты да валторны.

Он приправляет рыбу укропом и маслом Прованса,
помня, как соседи жгли ладошку, и крики,
и брань у кухонной конфорки: гори, жиденок!
Он не разлюбил синий огонь, только стал заикой,
а плачет, когда режут лук, и от контрданса.

Сотку перцовки он закусит селедкой с луком,
что для него от простуды лучше этюдов Чернь
и даже бабушкиного варенья. Эрик обмотает горло шарфом,
на дорожку присядет: завтра ему дирижировать в Вене,
а там не любят опозданий на укрощение звуков…

ПОКЕМОН БЛЮЗ

За москитною сеткой соседка
как стрижиха в призрачной клетке,
покемону нальет вина.
Все ж приятнее, чем одна.

Винегрет на столе, виноград,
расцветает в горшке каланхоэ,
хрипло курят, натужно молчат
эти двое.

Через год он пойдет один,
вдоль надгробий до заводи,
где сирень, да изгороди,
прижимая шляпу к груди.

* * *

Гори же, гори, мой огонь нелюдимый,
последний,
родимый,
на все века!
Чтоб не заслоняли и не погасили
пьяные облака
твой профиль текстильный,
напоминающий издалека
шоу желтого джаза
под ле абажур.
Бонжур, дорогая, —
и лучше уж сразу, — пока тепла от руки рука,
да жарко телу от коньяка.

Гори, мой милый, назло ураганам,
плавленым льдам и губернским сыркам,
лету, окрику, рискам и планам
снести наш единственный дом,
назло шашлыкам с калашом и духмяном,
койко-месту с простынью драной,
и мы сойдемся с тобой на одном:
гори, гори, черно-синий Содом,
наш век,
не жалеючи ни оглашенных,
ни ошалелых,
ни шаль на плечах твоих загорелых.

Прими дурака,
друга красотки с веслом,
затейника в парке культур-мультур,
грибных перелесков,
рассветных молочных фигур,
отзвуков бледно-заочных,
при небе, распахнутом в сто икон,
что в лике едином соединено,
и с нимбом, юный центурион,
знал обо всем не понарошку.
Мученик жажды стучится в окошко.
Не подадут все равно.

ТУЛОН

Сполохи, выкрики, беготня.
Что же с тобой и детьми без меня
будет,
если не выдержит город.
Колокол ратуши по сердцу бьет,
враг у ворот, враг у ворот,
значит, тоска и голод.

Тюрю хлебать, танцевать сарабанду
в холерном бараке,
в желтом карболовом мраке.
Ждать роялистов дворцовой норы
иль предпочтенцев кровавой игры, —
зная одномоментно,
с первой жарою хлеба полегли,
и убоялись британские львы
мести Конвента.

Мы, ополченцы осенней травы,
сыра, вина и курчавой главы
Бахуса, помним приметы:
трупами птиц был усеян причал,
пьяный сержант папиросой стучал
по крышке лунного глянца
с профилем Корсиканца.

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА В ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД».
КАЧЕСТВЕННО И НЕДОРОГО!
МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ЗВОНКОВ
ПО ТЕЛ.: (495) 978-62-75

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

МАРИНА НЕМАРСКАЯ

ПО ЗАКОНУ ПАМЯТИ

* * *

По закону памяти, вначале
ты приходишь с первыми лучами
и ложишься рядом, как бывало,
скомкав под затылок покрывало.

По закону солнца, временами
прошлое пылает между нами
и стихает, как ребенок малый,
наигравшись тем, что отыграло.

По закону грусти, тьма кругами
проступает сквозь дверной пергамент
и следит за временем устало,
отгадав, что нас почти не стало.

* * *

Полцарства через марсовое поле,
а по краям музеи да отели.
Столица, о тебе, не от того ли,
что только ты и есть на самом деле?

Мечты мои, — осколки канифоли,
застывшие в твоем грудном отделе,
столица. Новосел на новоселе,
кирпич от кирпича, панель к панели.

* * *

я сама его выбрала, ну, тогда,
ничего, что в кране стоит вода,
ничего, что было мне двадцать лет,
кран закрою, — а человека нет.

долго-коротко, в муках ли, впопыхах, —
он все равно умрет на моих руках,
но когда и горе отговорит,
чем я вымою руки, ведь кран закрыт.

* * *

И лучше так.
С. Парнок

В повторенье нервного урока,
под напевы рока и вранья,
друг мой, одиноким одиноко,
даже мы с тобою не друзья.

Друг мой, говори другим о многом
и не проговаривай меня,
даже первородная тревога
угорает в дыме без огня.

И гремит железная дорога
через сон в порывах ноября.
Друг мой, убивая ненароком,
даже мы мертвеем втихаря.

Друг мой, дорогой мой, ради бога,
говоря, горя, благодаря,
Даже обнимая у порога
крепче, чем жену у алтаря,
верь мне, одиноким одиноко
доверяться, попрощавшись зря.
Друг мой, от пожизненного срока
даже в вере — горечь чифиря.

* * *

Льдистый воздух, зорей позолота,
свет мутнеет, бродит, как кумыс.
Здравствуй, птица моего полета,
не смотри вокруг, едва ли кто-то,
кроме нас берет такую высь.

Только воздух, воздух беспредельный
свищет в складках облачных кулис.
Здравствуй, птица моего паденья,
не летай вокруг, едва заденем
о перо пером и рухнем вниз.

* * *

То слезы льет, а то наотмашь бьет
молчаньем или чем потяжелее.
В свободном переводе значит: год,
одолженный у эры водолея,

мы пережили рядом и поврозь,
как из ума, не выжив друг из друга.
Спасибо, до сих пор большой вопрос,
кто окружен, а кто идет по кругу.

А, впрочем, жизнь есть жизнь, и как итог,
уже ни в ком не делая открытий,
я закрываюсь, стало быть, никто
меня такую больше не увидит.

* * *

Короткий день изгнания из рая,
на свете тихо после наших слов.
Я, кажется, уже не выбираю,
и он пока что выбрать не готов.

Но с первых слез до поминальной тризны
дальнейшее известно наперед,
так пусть хоть этот мальчик ненавистный
мне, как обычной женщине, соврет.

ЗУЛЬФИЯ АЛЬКАЕВА

ОСОБЫЙ ГОЛОС

* * *

Мне тьма, как будто фетровый берет,
Полвысоты по моде откусила.
Но ты увидел, что иной портрет
Таит в себе безудержная сила.

И бездны, как птенцы, открыли рты…
А ты такой, что даже и не тайна,
Мираж на ясной глуби доброты:
Не навредить рожденному случайно.

* * *

Там, где одни дорожные столбы,
Одной рукою мы просили хлеба.
Похожи очень были наши лбы.
Звезда звезде оставила полнеба…

Давно-давно по тропам сирых душ
Ты шел… Словами Бога даль засеял…
Покой и вечность знает мудрый муж.
А я? Мой дух? Мой дух еще рассеян.

Молчанье вымерло. И как в бреду,
Желала я конца мирам и бою.
Отпущен срок на гордость и беду.
Теперь и я приручена судьбою.

* * *

Трамваи ходят по железу,
Скрипя пружинистым седлом.
И я с таких коней не слезу.
Они к тебе приводят в дом.

Молчат предательские сцены.
Но помню маленьким тебя.
Стволы дерев без перемены
Мне о тебе всю жизнь трубят.

И вспоминать совсем не сложно.
И нужен только ветра свист,
Чтоб думать, думать осторожно,
Как над тобой кружился лист.

* * *

Сорняками теснят — осинами —
лес. И город мне, как тюрьма.
Пластилиновыми пластинами
прилипают ко мне дома.

Нет какого-то духа хвойного!
Дым с горчинкою тишины
дотянулся до ветра вольного…
Где-то в облаке сведены

все концы, все начала сложены.
Там — и сердце, и голова!
Почва серая обезвожена,
Как засохшая пахлава.

* * *

Анни Жирардо

Чернила февраля
скрипят мольбу качелей.
Держитесь, Жирардо,
на краешке весов!
На фоне ноты «ля» —
узоры птичьих трелей,
в тенетах ноты «до» —
оттенки голосов…

Запомнить бренный мир.
Как мало в этом смысла!
Тем паче помнить, что
могла творить рука.
Так пылкий Велимир
мечтал слова и числа
перетереть в ничто
в оглохший день сурка.

17.11.2010

* * *

Как платьице в горошек, ночь рябит.
Теплее окон звезд родные пятна.
Судьба со мной встречается приватно,
Переведя дыханье на иврит.

И гулко, как из бочки, голосят
Волшебники, знакомые по сказкам…
Особый голос назначая встрескам,
Волчица обучает выть волчат.

Луна свободно входит в дисковод.
Ползет к виску полоска странных чисел.
Дорожка в сон, желеобразный смысл,
Всему, что объяснимо, — антипод.

* * *

До школы выводила «эр» неловко.
На логопеда рыкала три дня.
Мне говорили:
— Ну ты, мать, жидовка! —
Не гыкает татарская родня!

Я выучилась говорить такое,
что разрыхлила красно-белый грот.
И выстроились звуки в хоровое.
Сровнялся прикус и закрылся рот.

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

РУДОЛЬФ КОТЛИКОВ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ВЧЕРА

…Мой изумленный дух трепещет перед ней…
Расин, «Федра»

Как надоели нам зыбучие пески! Мы долго шли, с трудом передвигая ноги, и желтизна пустыни застыла в наших глазах. В который раз открылся мираж — золотые купола и белые дома среди густой зелени. Нет! Нет! На этот раз не мираж. Среди сонной зелени высоких холмов виднелись красные черепичные крыши сверкающих белизной домов, полого спускающихся к океану. Мы остановились в пансионате, небольшом двухэтажном домике с деревянным резным балконом. Вечером я спустился вниз. Единственная улица вела в гавань, где виднелся розовый лес мачт с разноцветными крыльями парусов. Шумные торговцы собирали свои товары и грузили на молчаливых осликов, зажигались огни таверн, появлялись в дверях домов, покачивая крутыми бедрами, веселые женщины с далеко выступающей грудью. Когда я вернулся в пансион, заметил, что гора над городом сильно напоминает профиль женщины, надменный и гордый профиль царицы. Я поднялся по шаткой скрипучей лестнице, открыл дверь в комнату, там я увидел товарища моего по странствиям Агафокла. Он сидел на коленях у женщины, а ее лицо было, точно лицо горы над городом. Волосы ее разметались по комнате, и поглощающие глаза ее были невыразимы. Испуг овладел мной, благородный испуг.

— Агафокл! — закричал я. Он быстро взглянул на меня и спрятал лицо свое в глубокой тени этой странной чужой женщины.Только раз посмотрела она на меня, и ноги мои приросли к полу, налились свинцом. Она звучно поцеловала моего товарища Агафокла в лицо, и лицо его исчезло в бесконечной и яркой линии ее губ. А сам Агафокл как бы сник, съежился и множеством складок сполз на пол, и затих совсем маленьким бесформенным комочком. Она медленно встала, расправила его и опустила в щель между досок на полу. Мой товарищ по странствиям Агафокл! Я тяжело спустился вниз и прислонился к косяку двери. Тучи обложили небо, и гора с трудом просматривалась зловещим темным силуэтом, пронзающим небо. Незаметно я очутился в порту.

Корабли теснились у причала, и отражения многочисленных мачт и парусов в бликах воды, словно калейдоскоп, заворожили меня. Ко мне подошел старый матрос, коричневое лицо его было испещрено, как знаками, сетью морщин, а в глубине их светились синие ласковые глаза.

— Море, — сказал он задумчиво и запыхтел трубкой.

— Откуда ты, незнакомец? — я взглянул на него, не зная, что сказать, — вот товарищ у меня был, Агафокл… — я замолчал. Вдруг там, среди розовых волн, я увидел смеющуюся молодую женщину, косы ее, словно лучи заходящего солнца, а платье, как ветер, облегало стройную молодую фигуру. Она бежала по волнам к берегу. Как током обожгла меня память!

— Вина! — закричал я, протягивая руки. — Вина!

Она бежала навстречу и смеялась, совсем такая, какую я видел ее последний раз. Вот уже близко, и руки наши почти коснулись,.. но… как мираж, вдруг исчезла она, только смех ее все еще струился сверкающим кружевом у моих ног, только прозрачные холодные волны лизали безмолвный берег.

— Вина, Вина! — голос мой дрожал и падал в бесконечную бездну одиночества, голос мой оборвался…

— Дааа… — протяжно сказал матрос, — на море и не такое бывает.

— Это Вина, жена моя, — глухо сказал я, — она осталась там, она ждет… и дом мой…

Похлопав меня по плечу натруженной тяжелой рукой, матрос сказал бодро:

— Ничего, у меня есть корабль, «Барракуда» его зовут, я отвезу тебя, мы найдем.

— Да, да! — закричал я, — чтобы жить… жить в ее улыбке, в лепестках полевых цветов, луговых трав, жить в звуках и красках родного города, города, где мой дом и Вина!

Я схватил его за рукав грубой куртки и торопил его. Мы подошли к молу. Он всматривался в корабли, глаза его как-то вдруг потерялись, он сел на камень и закрыл лицо темными заскорузлыми руками.

— Я совсем забыл, — тихо сказал он, — корабли-то ненастоящие…

Слова его балансировали на тонкой проволочке надежды и вот уже вроде сорвались, как неудачливые канатоходцы, а может, проволочка оборвалась, как все на земле рвется…

— Пойдем, — я взял его за руку, — скоро будет гроза.

И правда, небо заволокло тяжелыми громоздкими тучами, казалось, что небо вот-вот упадет на землю. Мы медленно шли вверх по узкой улице, из домов выходили люди, тихое и протяжное пение повисло над городом. Люди шли к горе. Я видел, как дрожала она, как полыхали глаза женщины-горы.

— Боги наказывают нас, — сказал матрос, — только за то, что мы есть… все это было вчера, и жизнь наша была вчера…

Огненный поток, словно язык богини, приближался к нам, и я видел, как передние ряды дрогнули. Я опустился на колени и сказал:

— Я Лампсак, я тоже был вчера…

РАЙОННЫЙ УБИЙЦА

Я не был богат иметь своего личного убийцу, хотя это становилось модой. Многие имели. Женщины сплетничали и хвастались своими, они одевали их по фасону. Популярным убийцам ставили монументы, вешали на зданиях портреты, а также в школах и учреждениях. К ним записывались в очереди и регулярно отмечались. Каждое утро мать пилила меня, хлеща скандалом слов:

— Пора уж прикрепиться к районному, олух, все бы баклуши бить!

На улицах шалила весна, руками-ветерком задирая девичьи платья. Выйдя, я засветился улыбками прохожих. В светлой приемной я записался у секретаря. В щелку успел заметить самого, он расхаживал по кабинету в пижаме и тапочках.

В длинном коридоре посетители выбирали одежду, которую заказывали для него, когда будут актироваться (да-да, пора опустить слово «убийство» и заменить более красивым и гуманным!). Веками установленный порядок сковывал мои мысли, но все же рождался вопрос: ЗАЧЕМ? Мучимый вопросом, я обратился к секретарше по всем правилам вежливости. Но грубый смех разорвал ее лицо.

В коридоре я выбирал тонкие шелковые рубашки, элеганные костюмы, лаковые туфли для своего. Обычно он приходил на дом. Так я мельком подсмотрел в замочную скважину убийцу соседей. Этот же, наш районный, приходил недавно к отцу. Мать убивалась, когда выносили отца, сам убийца любезно помогал нести. Теперь вот и материна очередь приближалась.

— Ну что? — накинулась на меня мать на кухне. — Записался, наконец?!

Я махнул рукой, устало усаживаясь на табуретку. На скамье в корыте полоскала белье последняя соседка тетя Фрося.

— А шут с ним, в каком костюме будет, когда ко мне пожалует, — ворчала она, развешивая на всю веревку необъятные трико, живописно залатанные и неожиданно привлекшие мое внимание. Звонкая оплеуха матери вернула меня в колею беседы.

— А костюм я выбрал военный, пусть будет военный, — решил я. Мать кивнула и разожгла керосинку. На сковороде шипела и мирно переговаривалась еда, и под эту беседу мои мысли выровнялись и стали согласными. Даже смешными, ведь завтра по расписанию придут к тете Фросе, а она усердно стирает, для кого? Я зашипел смехом в подражание еде на сковородке и направился делать уроки, скоро экзамены.

В ЗЕЛЕНОЙ ЧАЩЕ БОЛОТ

Я возвратился из лагерей и с трудом нашел среди хаоса камней свою пещерку.

Оттуда выглядывала, прикрывая глаза, мамаша Каюзак, мать моего соседа по лагерю Каюзака, который вдруг перестал двигаться.

— Ну что, не узнаешь меня, мамаша Каюзак? — спросил я, весело подмигивая.

— Менелай, что ли? — спросила она, шамкая и мигая подслеповатыми глазами.

— Много вас тут было, приходили, уходили, куда, зачем… а Каюзак сказал, что ты сам перестал двигаться… так что пещерка моя.

Она зло взглянула на меня и исчезла. Грустный, я спустился вниз, где солнце играло в зеленой чаше болот. Легкий ветер шелестел в тростнике среди листьев.

В отражении воды мне показалось, я вижу Напу, моего соседа по лагерю, сына мамаши Каюзак.

— Напа, — говорил я, а в крике птиц мне все яснее и четче слышалось мое имя.

БОЛОТА

А прибыли мы пешком на какую то станцию, густо заросшую бурьяном, так что и рельс не было видно. Шли мы вроде как по шпалам, а были то просто корни, коряги да пни. На вокзале, тут и там сидели на мешках ожидающие поезда. Мы разыскали начальника или дежурного, он стоял, прислонившись к стене, его опутала паутина и вьющиеся растения, он не шевелился, лишь моргал пустыми, белыми, как простыня, глазами, и не отвечал на вопросы. Тогда мой товарищ сказал: — Спроси у ожидающих, что за станция, и куда нам дальше.

Я подошел к ближайшему, с виду крестьянину в домотканной одежде.

— А скажи, браток, что за станция?

— Не станция это, а как бы полстанции, полустанок, зовется «БОЛОТА», зашамкал он с высоты мешков.

— Поезд-то когда ожидается, долго ли ждать?

— Не ходют тут поезда, сынок, ох давно, видишь и рельсы травой проросли.

Я оглянулся.

— Друг, — позвал я, печально улыбаясь, — двинемся в поселок, ночлега попросим, может накормят с дороги добрые люди.

Узкая нехоженая тропа привела нас в поселок. Десяток ветхих деревянных домишек, погрузившихся в сон, лишь подслеповатые окна лениво отражали плоскость холодного неба. Мы стучали в двери, но никто не отвечал. Наконец, совсем малый пацан в громадных валенках вышел на крыльцо.

— Вам что, дяденьки? — сонно спросил он, — все на болотах внизу, а вы бродите здесь, как неприкаянные.

— А где болота, дружок? — Он кивнул на группу тощих березок— там, за теми деревцами.

— Что же там добрые люди рыбу ловят, или митинг, маевка, что ль?

— Да нет, видятся они, камыши, травы, цветы болотные, все они наши соседи, может, и родня, так что все там на встрече.

Мы спустились к болотам, широкая светлая тропинка катилась перед нами, указывая путь, синее покрывало неба окутало нас мягкой прохладой, листья шептались над головой, и тишина обняла нас приветливыми руками матери.

— Гляди, друг, будто время ушло, позабыв про нас, будто времени и не было вовсе.

Мы взялись за руки, мы чувствовали нечто торжественное, неповторимое, как бы находились в громадном храме. На болотах среди ароматных трав сидели люди, кучками и поодиночке. Некоторые шептались с каким-либо кустиком или листочком, ничего не замечая вокруг, другие нежно поглаживали листья. А один, рыжебородый, угрюмый на лицо, скинул сапоги и, войдя в мелкую воду по колено, глухо приник лицом к камышам, и затих. Женщина с грубыми натруженными ладонями едва касалась травы, разглаживая ее и тихо напевая протяжную песню.

Мы шли вдоль берега мимо сидящих жителей этого затерянного поселка, которые и сами в своей неподвижности могли сойти за холмики земли, пни и коряги.

Мы пытались окликать их, но они не слышали нас, не видели нас, уйдя в единение с окружающим. — А что, друг, может и мы найдем какой никакой росток, да и обнимемся с ним по братски? — Зорко вперяя я глаза в тихую зеленую гладь, да так и не усмотрел никого. — Трава и трава, — говорил я, — непутевые мы с тобой, так и не прижились на земле нашей, люди вот находят, нежной заботой обогревают друг друга, а нам дороги без конца и начала, и даль нас улыбается обманными глазами.

Мы вернулись на станцию. Люди на мешках спали, говорили во сне.

Братцы! — окликнул я их, — чего же вы не на болотах? Нет у вас трав родимых, что ли? — Всяк себе кума да свояка ищет, а мы сами по себе, — отвечали вокзальные люди ворчливо и снова укрывались сном.

Мы с другом подбирали клочки бумаги, рисовали на них поезда и бросали в воздух, а ветер, которого не было, подхватывал их невидимой рукой и возносил высоко к верхушкам густых ароматных сосен, освещенных золотым приветом уходящего солнца.

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

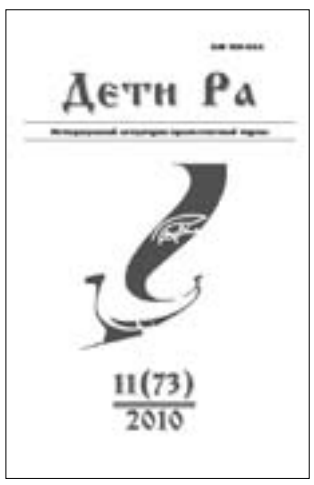
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд